

УДК 94(438).083

О.Д. Столяров*

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ НОЯБРЯ 1741 ГОДА И ИНОСТРАНЦЫ В РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЕ**

В статье рассматривается взаимосвязь событий ноября 1741 г. и последовавшего затем уменьшения влияния иностранцев, входивших в правящую верхушку Российской империи.

Ключевые слова: иностранцы, Елизавета Петровна, дворцовый переворот, правящая элита, генералы.

Говоря о елизаветинском перевороте и ее царствовании в связи с судьбами иностранцев в правящей элите, необходимо обратить особое внимание на тот факт, что в ноябре 1741 г. среди ее сторонников было немало иноземцев, часть из которых входила в правящую верхушку и примыкавшие к ней слои. Так, в разговоре с Шетарди Елизавета упомянула о том, что к ее сторонникам принадлежит Гессен-Гомбургский [1, с. 348], однако есть сведения, что оказать прямую поддержку заговорщикам накануне переворота он отказался [2, с. 175]. Кроме того, судя по ее словам, она рассчитывала привлечь на свою сторону и Остермана [1, с. 215]. Общеизвестна также роль целого ряда иностранцев в подготовке и проведении заговора, сделавшего Елизавету императрицей – Лестока, учителя музыки цесаревны Х.Я. Шварца [1, с. 297] и купца Ю. Грюнштейна [1, с. 305]. Известно также, что сторонником Елизаветы был уволенный в 1733 г. президент Академии наук и лейб-медик Л.Л. Блументрост [1, с. 309] и некоторые другие иноземцы.

Тотчас же после переворота началась неоднократно описанная в литературе пропагандистская кампания гораздо больших, чем прежние, масштабов (причина очевидна – впервые был свергнут законный император), и основными ее составляющими стали два тезиса: во-первых, Елизавета, в противоположность предыдущим монархам, представлялась как продолжательница великих дел своего отца; во-вторых, новая государыня избавляла страну от всевластия иноземцев. Особенно большое внимание этому мотиву было уделено в церковных проповедях начала елизаветинского правления, где речь шла преимущественно об Остермане и Минихе, причем именно как об иностранцах: «Остерман и Миних с своим сонмищем влезли в Россию, яко эмиссары диавольские...» [3, с. 9]. В этих произведениях из раза в раз повторялись стандартные обвинения против «эмиссаров»: назначали на ключевые должности таких же, как и они сами, иноземцев, грабили казну, притесняли русских людей, осуществляли гонения на православную церковь [3, с. 9–16]. Принципиально важно здесь то, что Остерман и Миних были представлены не просто как государственные преступники, но как лидеры организованной группы, намеренно вредившей (по непонятным, правда, причинам) российскому государству. По всей видимости, именно в произведении

---

* © Столяров О.Д., 2013

Столяров Олег Дмитриевич (belomog2012@mail.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ях подобного рода и начала формироваться концепция «немецкой партии» и «иностранного засилья».

Таким образом, существуют две причины, по которым удельный вес и влияние иностранцев в правящей верхушке должны были уменьшиться: с одной стороны, из этой группы были исключены те иноземцы, которые были противниками новой императрицы (их было не очень много, но зато в большинстве своем это были люди действительно высокопоставленные), с другой – столь часто повторяемые Елизаветой и ее окружением слова обязаны были повлечь за собой хоть какие-то действия в указанном направлении. Так, в 1741–1744 гг. вышел ряд указов, ограничивавших свободу вероисповедания [4, т. XI, с. 118; т. XII, с. 241], что шло вразрез со знаменитым манифестом 1702 г., который обещал иностранцам, во всяком случае, иностранным специалистам, право исповедовать свою религию и отправлять соответствующие обряды, и всей практикой петровского времени вообще.

Кроме того, уменьшилось число иностранцев в составе генералитета. В частности, в 1748 г. иностранцами были 11 из 31 генерал-майора, четверо из девяти генерал-лейтенантов, двое из пяти генерал-аншефов и один из двух генерал-фельдмаршалов (Ласси) [5, с. 1–6] – всего 18 из 47-ми, около 38 %, т. е. за десять лет, семь из которых пришлось на правление Елизаветы, количество военно-сухопутных генералов-иностранцев уменьшилось примерно на 13 %, в то время как на промежутке с 1729 по 1738 гг. эта группа уменьшилась лишь приблизительно на 7 %. Таким образом, в елизаветинское царствование процесс перехода генеральских чинов из «немецких» рук в русские шел интенсивнее, чем прежде. Причиной этому стало отчасти то обстоятельство, что эти чины стали выдаваться иноземцам значительно скупее, а в какой-то мере – отставкой ряда генералов. Так, только в течение 1742 г. российскую службу покинули трое генерал-майоров, находившихся прежде под покровительством Миниха [6, с. 30]. С обер-офицерским корпусом, правда, дело обстояло немного иначе. Известно, в частности, что В.В. Долгоруков, которого Елизавета вернула из ссылки и вновь назначила президентом Военной коллегии, высказывал мнение, что армейские должности, соответствовавшие чину полковника, должны предоставляться преимущественно русским, в то время как Ласси протезировал иностранцев, и небезуспешно [6, с. 34–35].

Еще в большей мере сложившаяся ситуация сказалась на пожалованиях высших орденов империи – Андрея Первозванного и Александра Невского. Уже к концу 1741 г. из четырнадцати обладателей Андреевской ленты лишь двое (Ласси и Гессен-Гомбургский) [7, с. 72–78], т. е. около 14 %, на 29 % меньше, чем к концу регентства Анны Леопольдовны. Что касается ордена Александра Невского, то из 14 человек, удостоившихся этой награды в течение первого года правления Елизаветы Петровны (с ноября 1741 по ноябрь 1742 гг.), иностранцами были трое [7, с. 129–131] (около 21 %), т. е. на 26 % меньше, чем при Анне Леопольдовне.

Быть может, однако, еще более важным следствием этой пропагандистской кампании стало соответствующим образом сформированное общественное мнение по этому вопросу – не стоит забывать, что правление Елизаветы продлилось дольше, чем четыре предшествовавших царствования вместе взятые. Известны, в частности, случаи выступлений солдат против офицеров иностранного происхождения, основанием для которых служили слухи, будто «указ есть, чтоб всех иноземцев перебить» [8, с. 379], и тому подобные эксцессы.

Но есть и другая сторона вопроса. В литературе неоднократно было отмечено [напр., 9; 10], что официальные идеологи Елизаветы Петровны достигли куда больших результатов, чем те, кто подвизался на этом поприще при Анне Леопольдовне (что стало одной из целого ряда причин падения последней), и мы имеем все основания считать, что тезис о необходимости покончить с «иностранным засильем» имел

довольно большой успех в среде гвардии и дворянства, а между тем в шляхетских проектах января-февраля 1730 г., как мы знаем, этот вопрос почти не затрагивался. Следовательно, подобный поворот общественного мнения следует считать «заслугой» десятилетия царствования Анны Иоанновны. Это наводит на мысль, что, не будь елизаветинского переворота, идеей изгнания иностранцев мог бы воспользоваться кто-нибудь другой, к примеру, М.Г. Головкин в своей борьбе с Остерманом.

Однако пропагандистская посылка о том, что Елизавета как «дочь Петрова» является продолжательницей славных дел своего великого отца, была по крайней мере в одном отношении более удобной — она не обязывала новую императрицу ни к каким конкретным действиям. Копирования мероприятий Петра I от нее, разумеется, никто не ждал, тем более что с момента смерти последнего до восшествия на престол его дочери прошло более шестнадцати лет. С обещанием же избавить страну от «немецкого засилья» дело обстояло иначе — здесь нужна была хотя бы видимость деятельности в этом направлении, и елизаветинское правительство, используя этот козырь, в некотором роде попало в плен своей идеологической конструкции, что и привело к обозначенным выше изменениям в правящей элите и примыкавшим к ней слоям государственного аппарата и армии.

Библиографический список

1. Сборник Императорского Русского исторического общества. Вып. 92. СПб., 1894.
2. Брикнер А.Г. Принц Гессен-Гомбургский в России // ИВ. 1893. № 4.
3. Попов Н.А. Придворные проповеди в царствование императрицы Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности. М., 1859.
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. СПб., 1830.
5. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 489. Д. 7386.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 20. Д. 50. Ч. 1.
7. Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения и до установления в 1797 году орденского капитула. М., 2005.
8. РГАДА. Ф. 248. Оп. 23. Д. 1557.
9. Анисимов Е.В. Россия без Петра. СПб., 1994.
10. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.

O.D. Stolyarov*

PALACE REVOLUTION OF NOVEMBER 1741 AND FOREIGNERS IN THE RUSSIAN RULING ELITE

In the article the author views the interrelation between the events of November 1741 and followed after that diminution of influence of foreigners who were in the ruling elite of the Russian Empire.

Key words: foreigners, Elizaveta Petrovna, palace revolution, ruling elite, generals.

---

* *Stolyarov Oleg Dmitrievich* (belomor2012@mail.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.